

Annotation

Его поместили в клинику. Врачи считают его помешанным, а Он уверен, что реален только Он, а всё вокруг только декорации, созданные специально для него.

И окружающие его люди, и его жена — тоже только...

fantlab.ru © Sashenka

- [Роберт Хайнлайн](#)
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Роберт Хайнлайн

Они

Они не оставляли его в покое.

Они никогда не оставляли его в покое. Он подумал, что, наверное, это часть их плана — никогда не оставлять его в покое, не дать ему возможности поразмыслить над той ложью, которой они пичкали его, не дать ему времени найти их слабые места и постичь истину.

И этот их проклятый надсмотрщик утром! Вломился со своим завтраком, разбудил его, и теперь он никак не может вспомнить сон, который ему сегодня снился. Если бы он только мог вспомнить этот сон...

Кто-то отпирает дверь. Но ему на это плевать.

— Привет, старина. Мне сказали, что ты отказался от завтрака? — и над его кроватью нависла профессионально любезная маска доктора Хейварда.

— Я не был голоден.

— Ну нельзя же так. Ты ослабеешь, и я не смогу тебя вылечить. Вставай-ка, одевайся, а я велю принести тебе эг-ног.^[1] Давай, давай, парень!

Неохотно, но не желая вступать в конфликт, он встал и скользнул в свой халат.

— Вот так лучше, — похвалил Хейвард. — Сигарету?

— Нет, спасибо.

Врач удивленно покачал головой:

— Будь я проклят, если как-то понимаю тебя. Отсутствие интереса к физическим удовольствиям не соответствует твоему типу.

— А какой у меня тип? — ровным тоном поинтересовался он.

— Фу ты! — и Хейвард скорчил проказливую мину. — Если бы врачи раскрывали пациентам свои профессиональные секреты, то они едва-едва зарабатывали бы себе на хлеб.

— Так что же у меня за тип?

— Ну... ты ведь не хочешь, чтобы я просто приклеил тебе ярлык. Я о тебе ничего не знаю. Неужели не пора рассказать о себе?

— Я буду играть с вами в шахматы.

— Хорошо, хорошо, — торопливо согласился Хейвард, — мы уже и так целую неделю каждый день играем. Но если ты будешь рассказывать, я буду играть.

Что это может значить? Если он правильно их понял, то они уже знают, что он раскрыл их заговор, хотя он вряд ли чего-то добьется, если будет скрывать очевидное. Ну что ж, пусть попытаются убедить его в обратном. Снявши голову, по волосам не плачут. Да ну их к чертям собачьим!

Он достал шахматы и начал расставлять фигуры:

— Что Вы на данный момент знаете обо мне?

— Очень мало. Осмотр ничего не дал. И факты биографии тоже. Ты очень умен, если судить по тому, чего ты достиг в школе и на работе. Иногда резкие перепады в настроении, но ничего из ряда вон выходящего. Единственная информация о тебе, которая может сослужить нам службу, — это инцидент, из-за которого тебе пришлось попасть сюда на лечение.

— Из-за которого меня сюда упрятали, Вы хотите сказать.

— О боже! Да если ты запираешься у себя в комнате и твердишь, что твоя жена состоит с кем-то в заговоре против тебя, как ты думаешь, люди будут реагировать на это?

— Но она действительно состоит в заговоре против меня. И Вы тоже. Белые или черные?

— Черные. Сейчас твоя очередь атаковать. Ну почему ты думаешь, что мы все «в заговоре против тебя»?

— Трудно объяснить. Для этого нужно вернуться в мое детство. — И он сделал своим белым конем ход на клетку ВЗ. Брови Хейварда поползли вверх:

— Как это понять?

— А почему бы и нет? Я не рискую играть против Вас гамбит.

Врач пожал плечами и сделал ответный ход.

— Ну хорошо, начнем с детства. Оно может пролить на твой случай больше света, чем все, что у тебя произошло в недавнем прошлом. Чувствовал ли ты, что тебя преследуют?

— Нет! — Он наполовину встал со стула. — Когда я был ребенком, я был уверен в себе. Тогда я знал. Я знал! Я знал, что жизнь стоит того, чтобы жить. Я был в мире с самим собой и со своим окружением. Жизнь была хороша, и мне было хорошо, и я понимал, что существа, окружавшие меня, такие же, как я.

— А они не были такими же?

— Конечно нет! И особенно дети. Я не представлял себе, что такое испорченность, пока не связался с этими так называемыми детьми. Маленькие дьяволы! От меня хотели, чтобы я был таким, как они, и играл с ними. Врач кивнул:

— Я понимаю. Дети иногда бывают ужасными дикарями.

— Вы не поняли. Дело не в дикости. Эти существа были просто другими — совсем не такими, как я. Они выглядели так же, как и я, но они не были такими, как я. Когда мне хотелось объяснить им что-то очень важное в моем понимании, они пялили на меня глаза и презрительно смеялись. А потом они обязательно наказывали меня за то, что я делился с ними своим сокровенным.

Хейвард кивнул.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. А взрослые?

— Это другое. Взрослые сначала ничего не значат для детей. Они ничего не значили и для меня. Они были слишком большими и не беспокоили; кроме того, они вечно были заняты чем-то таким, что было выше моего понимания. Я начал интересоваться ими только тогда, когда заметил, что мое присутствие как-то сковывает их.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... Они никогда в моем присутствии не делали того, что делали в мое отсутствие.

Хейвард внимательно посмотрел на него:

— А это утверждение действительно имеет под собой почву? Откуда ты знаешь, чем они занимались в твое отсутствие?

— Но я ловил их на том, что они внезапно прекращали разговор, когда я входил в комнату, или же начинали говорить о погоде или еще о чем-то пустом. Тогда я начал прятаться, подглядывать и подслушивать. Взрослые вели себя совсем иначе.

— Теперь твой ход... Да, но это было, когда ты был ребенком. Все дети проходят через это. Теперь, когда ты стал мужчиной, ты должен понимать, почему взрослые так поступали. Дети — странные существа, и их нужно защищать. По крайней мере, мы защищаем их от всех наших проблем. Существует целый кодекс условностей в отношении...

— Да, конечно, — нетерпеливо прервал он, — я все это понимаю. И все же я наблюдал и запомнил многое такое, чего мне и теперь не понять. Я насторожился и заметил вот что.

— Что же? — Он увидел, что враг не смотрит на доску, производя рокировку.

— Я заметил, что все, что они делали, и все, о чем они говорили, никогда не имело никакого смысла. Они должны были делать что-то совершенно другое.

— Я не понимаю.

— Вы не хотите понимать. Кстати, я Вам все это рассказываю в обмен на партию в шахматы.

— А почему ты так любишь играть в шахматы?

— Потому, что это единственная вещь в мире, правила которой мне понятны. Ну да все равно! Я внимательно наблюдал за всем, что видел вокруг себя, — за городами, заводами, фермами, церквями, школами, домами, железными дорогами, деревьями, библиотеками, животными и людьми. За людьми, которые были похожи на меня и которые должны были бы чувствовать то же, что и я, если бы все, чему меня учили, было правдой. А чем они занимались, эти люди? Они ходили на работу, чтобы зарабатывать деньги, чтобы на них покупать еду, чтобы с помощью еды восстанавливать силы, чтобы снова идти на работу, чтобы опять зарабатывать деньги, и так далее, — до тех пор, пока они не умрут. Эта модель, правда, допускала легкие вариации. Но какое это имеет значение, если люди все равно заканчивают смертью? И все твердили мне, что я должен делать то же самое. А я лучше знаю, что мне делать!

Врач бросил на него капитулирующий взгляд и засмеялся:

— Я не спорю с тобой. Жизнь действительно такова и, может быть, лишена смысла. Но это единственное, что нам дано. Почему же не наслаждаться этим — и чем больше, тем лучше?

— Ну нет! — Он упрямо сжал губы. — Вы не убедите меня. А откуда я знаю, что Вы правы? Из-за того, что вокруг меня только сцена и на ней толпы актеров, которые не смогли бы выжить, если бы постоянно не метелили друг друга? Все, что угодно, но не это. Огромное, невероятное безумие, которое меня окружает, не может не быть запланированным. И я разгадал Ваши планы!

— Что же это за планы?

Он заметил, что врач снова отвел глаза.

— Это игра, преследующая цель сбить меня с моего пути, оккупировать мой мозг и занять его ничего не значащими деталями, из-за которых я обязательно забуду самое главное. И вы все в заговоре против меня. — Он ткнул пальцем врачу в лицо. — Большинство людей просто беспомощные автоматы, а Вы — нет. Вы — один из участников преступного заговора против меня. Вас прислали сюда, чтобы заставить меня вернуться к разыгрыванию той роли, которую Вы мне предназначили. Он видел, что врач ждет, когда он успокоится.

— Не волнуйся, — проговорил наконец Хейвард. — Может, это и заговор, но почему ты решил, что заслуживаешь какого-то особого внимания к своей персоне? Может, это шутка, которую разыгрывают против всех нас. Почему бы мне тоже не быть такой же жертвой, как и ты?

— Черт бы Вас побрал! — И он снова сунул в лицо Хейварду свой длинный палец. — Это и есть самое главное в Вашем плане. Вы рассовали вокруг меня всех этих людей, похожих на меня, чтобы я не догадался о том, что являюсь центром Ваших интриг. Но я заметил самое главное, и это факт непреложный. Я уникален. Вот я, перед Вами, с внутренней стороны. А мир — с внешней. И я — центр...

— Полегче, полегче! А не кажется ли тебе, что и для меня мир является внешней стороной, а я сам — внутренней? Мы все — центр Вселенной...

— Не скажите. Это Вы хотели убедить меня в том, что я такой же, как и миллионы окружающих меня. Ложь! Если бы они были такими же, как я, я смог бы с ними общаться. А я не смог. Я старался, но не смог. Я раскрывал им свои сокровенные мысли в поисках тех, кому они были бы близки. И что я получал взамен? Глупые ответы, раздражающие несообразности, бессмысленную чепуху. Я повторяю Вам, что я старался. Боже, как я старался! Но никто не протянул мне руки. Все было пустым и чужим!

— Минуточку. Ты хочешь сказать, что я ничего не понимаю? Ты не веришь в то, что я

живой и мыслящий человек?

Он внимательно посмотрел на врача:

— Я думаю, что Вы живой, но чужой мне человек. Один из моих антагонистов. И Вы окружили меня тысячами таких же, как Вы, — с пустыми лицами, бессмысленная речь которых простая реакция организма на шум.

— Но если ты все же согласен с тем, что я — субъект мысли, то как можно считать меня чем-то чужеродным по отношению к тебе?

— А вот как! — Он вскочил и бросился к шкафу, из которого вынул футляр со скрипкой.

Пока он играл, страдальческие морщины на его лице разглаживались, а все лицо приобретало какую-то одухотворенную красоту. На эти мгновения его снова захлестнули эмоции, но он уже забыл о своих снах. Мелодия легко следовала от мысли к мысли с неумолимой логикой. Он закончил игру триумфальным финалом, подытоживающим все сказанное-сыгранное, и повернулся лицом к врачу:

— Поняли?

— Хм-м-м. — Ему показалось, что врач становится осторожнее. — Это немного странно, но замечательно. Жаль, что ты серьезно не занимался скрипкой. Ты мог бы многого достичь. Да и сейчас не поздно. Почему бы тебе не заняться этим?

Он стоял и долго внимательно смотрел врачу в глаза, потом покачал головой:

— Бесполезно. Совершенно бесполезно. Общаться все равно ни с кем не смогу. Я одинок. — Он положил инструмент на место и вернулся к столу. — Мой ход, кажется?

— Да. Берегите своего ферзя.

Он оценивающе посмотрел на доску:

— Совсем не обязательно. Он мне больше не нужен. Шах.

Врач прикрыл короля пешкой.

— Вы умело обращаетесь со своими пешками, но я научился предугадывать Ваши ходы. Так что снова шах — и мат, я думаю.

Врач оценил ситуацию на доске:

— Нет, — наконец сказал он. — Нет, не совсем, и отвел атакованную фигуру. — Не шах-мат, а пат на худший случай. Еще один пат.

Его расстроил приход Хейварда: тот нашел логически слабые места в его суждениях. Но он не мог ошибаться. С логической точки зрения мир является величайшим обманом, обрушивающимся на всех и каждого. Но что такое логика? Логика сама по себе есть величайшее надувательство, потому что оперирует недоказанными посылками; с ее помощью можно доказать все, что угодно. Мир есть то, чем он является на самом деле, и сам несет в себе доказательства своей несостоятельности.

Но что же делать ему? Может ли он провести грань между известными и неизвестными ему фактами, чтобы прийти к разумному пониманию мира, основанному только на фактах, — к пониманию, свободному от запутанных логических операций и посылок, в которых он не уверен?

Факт первый — он сам. Он хорошо знает себя, — он существует.

Факт второй — существование «пяти чувств», все, что он сам увидел, услышал, обонял, осязал, испробовал. Осознавая пределы своих «чувств», он все же должен верить им. Без них он был бы полностью отчужден от мира, заперт в своей скорлупе, слеп, глух, отделен от всего. Он был бы одним-единственным существом на Земле.

Но чувства — это еще не все. Он знает, что ничего не придумал из того, что постиг благодаря чувствам. Но должно быть что-то еще, что-то, сделавшее мир доступным восприятию его чувств. Все философы, утверждавшие существование физического мира только в рамках

субъективного воображения, — сущие мошенники.

А что же еще? Есть ли еще какие-нибудь «третьи» факты, на которые он мог бы опереться? Нет, только не здесь. Он не мог себе позволить верить в то, что узнал из книг и чему его научили, во все то, что считалось непреложным фактом. Нет, он не смог поверить всему этому, потому что в общей сумме то, что ему говорили, чему учили в школе, было противоречивым, бессмысленным и глубоко несостоятельным.

Минуто... Все это нагромождение лжи, все эти бессмысленные противоречия являются фактами хорошо ему известными. Поэтому их можно считать очень ценной для него информацией.

Мир, каким он его видит, — глубоко неразумен и одновременно слишком велик, чтобы быть абсолютно лишенным смысла. Если же мир не столь безумен, каким представляется ему, то существует какая-то сила, которая сделала его таким — для того, чтобы обмануть сознание индивида. Но почему именно его? Каков смысл этого подлога? В самом этом обмане и должен быть ключ к разгадке. Ему было суждено познать массу концепций окружающего мира — всяческие философии, религии, идеи «здорового смысла». Большинство из них были такими ничтожными, что их вряд ли можно было принимать всерьез. Но все они включали одно и то же положение, в которое он не мог не верить: то, что он был «человеческим существом» — как миллионы его современников и миллиарды тех, кто жил до него и будет жить после него.

Какая чушь! Ему никогда не удавалось вступить в настоящий контакт с себе подобными. В агонии своего одиночества он обманул себя, поверив в то, что Элис понимала его и была такой же, как и он. Он не удосужился тысячу раз проверить ее, потому что слишком невыносимой была для него мысль о возвращении к своему одиночеству. Ему очень нужно было поверить в то, что его жена — живое, дышащее существо, сделанное из того же теста, что и он, и что ей понятны все его сокровенные мысли. Ему не хотелось верить в то, что она — просто зеркало, эхо или что-то невообразимо худшее.

Он нашел себе партнера, и мир стал меньше раздражать его, хоть и был таким же глупым и скучным. Он сделался в меру счастливым и отбросил свои подозрения. Даже свой однообразный труд он воспринимал терпимее, пока досадная случайность не пробила брешь во всем этом обмане, и все его подозрения вернулись и начали мучить его с удвоенной силой.

Он уже начал жалеть о том, что выдал им себя. Если бы он держал рот на замке, они бы не заперли его здесь. Ему следовало быть более проницательным, смотреть во все глаза и слушать во все уши, выуживать из них детали и мотивы заговора против него. Он смог бы перехитрить их.

Но они заперли его — и весь мир стал сумасшедшим домом, а они тюремщиками.

В замке повернулся ключ, и он увидел человека с подносом:

— Ваш обед, сэр.

— Спасибо, Джо! — сказал он. — Поставь сюда.

— Сегодня вечером кино. Не хотите пойти? Доктор Хейвард сказал, что Вам следовало бы...

— Нет, спасибо.

— Лучше бы Вы пошли, сэр. — И он с удовольствием услышал настойчивость в голосе Джо. — Фильм хороший. Будет и мультфильм с Микки Маусом...

— Ты почти убедил меня. Проблемы Микки Мауса похожи на мои. Но я не пойду. Пусть не трудятся пускать фильм.

— Но фильм будет в любом случае. Многие другие обязательно пойдут:

— Действительно? Что это — особый расчет или ты просто заговариваешь меня? Не стоит напрягаться. Я знаю всю эту игру. Если я не пойду, то и фильма не будет.

Ему не понравилась усмешка, которой Джо ответил на его выпад. Разве может быть так, чтобы это существо было сделано из одного с ним материала — хорошо развитые мускулы, флегматичность, терпеливость, что-то собачье во всем облике? Неужели он напичкан только рефлексам робота? Нет, он, скорее всего, один из них, если поставлен здесь.

Джо ушел, а он, занявшись едой, начал сгребать ложкой (единственным инструментом, которым его снабдили) кусочки уже нарезанного мяса. Он снова улыбнулся их предусмотрительности и расчету. Они не знают, откуда исходит опасность. Он не убьет себя до тех пор, пока есть надежда открыть истину. У него в запасе еще масса возможностей, прежде чем он примет это бесповоротное решение.

После ужина он занялся приведением в порядок своих мыслей и решил записать их. Он достал бумагу. Ему нужно начать с общей формулировки тех основных принципов, которые вдалбливались ему всю его «жизнь». Жизнь? Да, слово подходящее. Он записал:

«Мне сказали, что я родился столько-то лет назад, и что через приблизительно столько-то лет я умру. Мне предложили немало глупых версий того, где я был до своего рождения и где буду после смерти. Но все это грубая ложь, преследующая цель не обмануть меня, а просто направить по неправильному пути. Всяческими путями окружающий мир пытается убедить меня, что я смертен, что я здесь ненадолго, что пройдет какое-то количество лет — и я уйду в небытие.

Неправда! Я бессмертен. Я переступаю через пределы времени, отмеренного мне. Промежуток в семьдесят лет не что иное, как одна из фаз моей жизни. Во-первых, я осознаю, что существую, а, во-вторых, что я вечен. Может, я замкнутая кривая, но это не важно. Я в любом случае не имею ни начала, ни конца. Моя уверенность не относительна, она абсолютна, и ее нельзя ни создать, ни уничтожить. И только память, так как только она — относительный аспект сознания может быть подвергнута воздействию и даже уничтожена.

Правда, большинство религий, которые я узнал, учат бессмертию, но, обратите внимание, как они этому учат. Самый верный способ убедительно солгать — это неубедительно сказать правду. Значит, они не хотели, чтобы я им поверил.

Внимание: почему они так старались убедить меня в том, что через какое-то время я „умру“? На это должна быть очень серьезная причина. Я делаю вывод, что они готовят меня к какому-то глобальному переделыванию. Мне жизненно необходимо узнать их намерения — на это мне, может быть, понадобится несколько лет. Для этого нужно перестать мыслить их категориями».

Вернулся Джо:

— Пришла Ваша жена, сэр.

— Скажите ей, чтоб она уходила.

— Пожалуйста, сэр. Доктор Хейвард очень хочет, чтобы Вы с ней повидались.

— Скажи доктору Хейварду, что я его считаю превосходным шахматистом.

— Хорошо, сэр. — Джо постоял с минуту. — Так Вы не хотите с ней видаться?

— Нет.

Когда Джо ушел, он еще несколько минут ходил по комнате, не в состоянии собраться с мыслями. Нужно отдать им должное, они вели с ним приличную игру, после того как упрятали сюда. У него есть отдельная комната и масса времени для размышлений. Конечно, его постоянно пытаются чем-то занять или отвлечь, но он упрям и всегда каким-то образом нарушает их планы, выгадывая для себя время для самоанализа.

Черт знает что! Он не хочет, чтобы они впутывали во все это Элис. И хотя она вызывает у него ужас и отвращение — с тех самых пор, как он обнаружил правду, — он не хочет, чтоб ему напоминали о ней и заставляли принимать какие-то решения в отношении нее.

В конце концов, она столько лет была его женой. Женой? А что такое жена? Еще одна душа, но такая же, как твоя собственная, дополнение к ней, второй полюс магнита, святилище понимания и сочувствия в непостижимых глубинах одиночества. Он самозабвенно верил во все это столько лет. Настоятельная необходимость иметь такого же друга, как и он сам, привела его к тому, что в ее прекрасных глазах он увидел себя и перестал замечать все то, что делало их непохожими друг на друга.

Он вздохнул. Он чувствовал, что сумел избавиться от многого, чему его научили в жизни, но Элис проникла под его кожу, даже глубже, и он не мог не мучиться этой болью. Он был счастлив с ней — хоть все это и было наркотическим трансом. Они дали ему отличное зеркало, в которое он мог смотреться и с которым мог играть; ну почему же он не разглядел, что стояло за этим зеркалом!

Уставший, он вернулся к своим рассуждениям:

«Мир интерпретирует две основные концепции. Первая — здравый смысл, который полагает, что в мире существует и многое такое, чего не видно на поверхности, что обычное поведение человека, его поступки сами по себе разумны. Вторая — религиозно-мистическая концепция, которая считает мир иллюзорным, нереальным, над которым довлеет истинная реальность.

Они обе неверны. Общая схема концепции здравого смысла совершенно бессмысленна: „Жизнь коротка и полна неприятностей. Существо, рожденное женщиной, обречено на вечные страдания. Дни его быстротечны. Все — тщеславие и суета“. Эти утверждения, возможно, беспорядочны, и неверны, но они четко отражают позицию здравого смысла. В таком мире все человеческие усилия не более рациональны, чем слепой полет мотылька к свету. „Мир здравого смысла“ — нечто безумное, взявшееся из ничего и в никуда уходящее.

Что касается другой концепции, она с первого взгляда более рациональна, хотя бы потому, что отрицает ярко выраженную глупость позиции здравого смысла. Но эта концепция тоже нерациональна. Это простой уход от действительности, потому что отрицается сама возможность прямого контакта между человеком и потусторонним миром. Конечно, „пять чувств“ не столь совершенны, чтобы осуществлять этот контакт, но, в конце концов, это единственное, что дано человеку».

Он смял бумагу и резко встал со стула. Упорядоченность и логика не помогают. Но он прав, потому что он это чувствует. Он, конечно, не знает еще всего. Да кому нужны этот огромный обман, бессчетное количество существ, целые континенты, чудовищная матрица безумной истории, безумных традиций, безумной культуры? Что нужно человеку, кроме его собственной скорлупы и хорошо сидящего пиджака?

Но должно же что-то быть, должно было быть, потому что им было чрезвычайно важно кардинально обмануть его, ведь обман меньшего масштаба не сработал бы.

Он должен был предвидеть все это. А теперь ему нужно идти вслед за этим обманом, наступая ему на пятки. Сейчас он должен увидеть их работу, застать кукловодов врасплох за их манипуляциями.

Первое, что ему нужно сделать, — это бежать из этого сумасшедшего дома, но так искусно, чтобы они не увидели, не поймали его, не имели возможности помешать ему. Это будет нелегко. Но он должен превзойти их в проницательности и прозорливости.

Решив раз и навсегда бежать, он целый вечер обдумывал, как ему осуществить свой замысел. Тот казался почти невыполнимым: убежать, не будучи замеченным.

У скрыться в надежном месте. Они должны потерять его след, чтобы никогда уже не знать, куда направить против него свой удар. У него несколько дней не будет еды. Ничего, без этого он проживет. Но он ни в коем случае не должен дать им шанс разгадать его планы.

Дважды промигал свет. Он послушно встал и начал готовиться ко сну. Когда Джо заглянул

в глазок, он уже был в постели лицом к стене.

Блаженство! Какое блаженство вокруг! Он наедине с самим собой, слышит музыку, исходящую из каждой клеточки его существа, как это всегда было и будет. Ему приятно осознавать себя частью живого, всего того, что участвует в нем самом и в чем непременно участвует он. И только одна неприятная мысль — он не помнит подробностей — но вот и она ушла, вернее, ее никогда и не было, для нее просто не было места.

Ранним утром из соседней палаты в его скованное сном тело проникли звуки, которые стали ему уже знакомыми и обычно напоминали о том, где он находится. Но в этот раз пробуждение было столь безмятежным, что он не сразу вспомнил все то, что ему пришлось пережить. Он тихо лежал улыбаясь, ощущая приятную неуклюжесть своего еще сонного тела. Он уже давно забыл это ощущение из-за вечной борьбы с ними. Что ж, теперь он знает тональность, в которой нужно играть, и быстро расставит все по своим местам. Он немедленно вызовет их и объявит свою новую позицию. Каким забавным будет выражение лица у старика Гларуна, когда он поймет, что текущий цикл их борьбы завершен.

Щелчок смотрового глазка и скрежет открывающейся двери раздробили цепь его мыслей. Вошел Джо, внес поднос с завтраком и поставил его на стол:

— Доброе утро, сэр. Сегодня чудесный день. Будете завтракать в постели или встанете?

Не отвечать! Не слушать! Не обращать внимания! Это часть их плана. Но поздно, слишком поздно. Он почувствовал, как скользит, падает, низвергнутый из мира своей реальности в мир их обмана. Забыл, все забыл, и не за что зацепиться его памяти. Осталось только ощущение какой-то большой, разбивающей сердце потери и боль неосуществленного очищения.

— Оставь, я сам решу.

— Отлично. — Джо поспешил выйти, громко захлопнул дверь и шумно запер замок.

Он долго лежал, не двигаясь, чувствуя, как каждый нерв в его теле натянут до предела. Наконец, он встал с кровати, все еще чувствуя себя глубоко несчастным, и начал концентрироваться на мысли о побеге. Но из-за того, что его так грубо вернули из мира его реальности в их мир, он не мог прийти в себя. В мыслях поселились сомнения — может, доктор был прав, когда говорил, что он не одинок в своей несчастной необходимости выбора? Может, он просто страдает паранойей и почему-то считает себя не таким, как все?

Неужели здесь, вокруг него, роятся в своем улье другие люди — беспомощные, слепые, безропотные, осужденные на вечное несчастное одиночество? Неужели сострадание, которое он вызывал у Элис, не что иное, как отражение ее внутренних мук, а не комедия, разыгранная в соответствии с их планами?

В дверь постучали:

— Войдите, — сказал он, не глядя. Их приходы и уходы уже безразличны ему.

— Дорогой, — медленно и неуверенно произнес такой знакомый голос.

— Элис! — он немедленно встал и уставился на нее. — Кто разрешил тебе войти?

— Пожалуйста, милый, пожалуйста, я должна была увидеть тебя.

— Это несправедливо. Это несправедливо. — Он больше обращался к себе, чем к ней. И потом. — Зачем ты пришла?

Она встала перед ним, полная достоинства, чего он никак не ожидал. Красоту ее детского личика испортили морщины и тени под глазами, но оно горело какой-то удивительной отвагой:

— Я люблю тебя, — тихо сказала она. — Ты можешь выгнать меня, но ты не заставишь меня разлюбить тебя и бросить в беде.

Он отвернулся от нее, не зная на что решиться. Неужели он действительно неправильно понимал ее? Неужели за этим барьером плоти и звуковых сигналов тот дух, который всегда стремился к нему? И то, что возлюбленные шепчут друг другу в темноте: «Ведь ты понимаешь»

меня, правда?».

— Да, любимая, я понимаю.

— Тогда все, что происходит с нами, не имеет значения, пока мы вместе и понимаем друг друга. — Слова, слова, глухо отскакивающие рикошетом от стен...

Нет, он не мог ошибаться! Проверить ее снова!

— Почему ты удерживала меня на этой работе в Омахе?

— Я не удерживала тебя. Я просто говорила, что нужно хорошо подумать, прежде чем...

— Не важно, не важно. — Нежные руки и дорогое лицо, всегда с удивительным упорством направляющие его на путь, которому он не хотел следовать. Всегда с наилучшими намерениями, но так, чтобы он никогда не совершал неразумных поступков, которые он сам никогда не считал неразумными. Быстрее, быстрее, торопись и с ангельским лицом делай все так, чтобы ни на минуту не остановиться и не подумать самому.

— Почему ты не хотела, чтобы я поднялся вверх? Она попыталась улыбнуться, хотя глаза ее уже наполнились слезами.

— Я не думала, что это имеет для тебя такое значение. Я не хотела, чтобы ушел наш поезд.

Это был незначительный эпизод. По какой-то причине, непонятной ему, он настаивал на том, чтобы пойти наверх в свой кабинет, когда они уже собирались отправиться на вокзал (они уезжали ненадолго в отпуск). Шел дождь, и она напомнила ему, что времени у них в обрез. Он удивил себя и ее, настаивая на том, что поднимется сейчас в свой кабинет. Он даже оттолкнул ее, когда она стала у него на пути. И даже тогда ничего бы не было, если бы он, тоже непонятно почему, не отодвинул штору на окне, выходящем на тыльную сторону дома. Очень сильный дождь шел на фасадной стороне, а здесь, с этого окна, погода была прекрасной, солнечной и никакого дождя.

Он долго стоял тогда у окна, глядя на солнечный свет и собираясь с мыслями. К нему вернулись все его старые подозрения — теперь прибавилось и это необъяснимое противоречие. Потом он обернулся и увидел, что она стоит возле него. С тех самых пор он все старался забыть выражение ее изумленного лица, когда он спросил:

— И как же дождь?

— Дождь? — повторила она слабым, удивленным голосом. Да, шел дождь. Ну и что?

— Но в окне моего кабинета дождя не было.

— Что? Да нет, он был. Я видела, как на мгновение солнце выглянуло из-за туч, ну и все.

— Ерунда!

— Но, милый, какое имеет отношение погода к тебе и ко мне? Какая разница — идет дождь или нет? — Она робко приблизилась к нему и взяла под руку. — Разве я ответственна за погоду?

— Думаю, что ты. Уходи, пожалуйста.

Она отошла от него, причесала вслепую волосы, проглотила слезы и решительно произнесла:

— Хорошо, я уйду. Но помни — ты можешь вернуться домой, если захочешь. И я буду ждать тебя. — Она заколебалась на мгновение и неуверенно сказала. — Может, ты поцелуешь меня на прощание?

Он никак не ответил ей — ни голосом, ни глазами. Она посмотрела на него, потом повернулась, неловко пошла к двери и исчезла за ней.

Существо, которое он знал под именем Элис, не меняя своего облика вошло в комнату, где все они собрались.

— Нужно отказаться от этой программы. Я не в состоянии больше воздействовать на него.

Они ожидали этого, но все равно пришли в смятение. Глаун обратился к Главному

Управляющему:

— Подготовиться к немедленному внедрению в избранную память воспоминаний о другой жизни.

Затем, повернувшись к Главному Исполнителю. Гларун сказал:

— Экстраполяция показывает, что в течение двух дней он совершит побег. И наша программа потерпела поражение из-за того, что Вы не обеспечили тогда дождь не только с фасада, но и с тыльной стороны его дома. Впредь работайте более тщательно над выбором средств.

— Если бы мы понимали мотивы его поведения, нам было бы проще.

— В моей должности доктора Хейварда я часто думал об этом, — отпарировал Гларун, — но если бы мы понимали мотивы, мы стали бы частью его. Воскресите в памяти Договор! Он и так почти вспомнил.

Существо, игравшее Элис, заговорило:

— Может, попробовать программу «Тадж Махал»? Она ему почему-то нравится.

— Вы уже уподобляетесь ему!

— Может быть. Я не боюсь. Так что, попробуем?

— Посмотрим.

Гларун продолжал отдавать команды:

— Держите структуры наготове до изменения программы. Нью-Йорк и Гарвардский университет уже не нужны. Начинайте очистку памяти. Вперед!

---

notes

Эг-ног (англ.) — напиток из вбитых яиц с сахаром, молоком или вином, фруктами.